

Т.С.Петрова

**«Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке»  
в контексте книги К. Бальмонта «Зарево Зорь»**

«Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке», вопреки мнению некоторых исследователей, не случайно завершает книгу «Зарево Зорь» [1]. В архитектонике книги она многоаспектно поддерживает основной композиционный принцип отражения.

Совершенно очевидно отражение в бальмонтском тексте сюжета и ключевых образов народной сказки [2].

Показательно полное совпадение названий народной сказки и стихотворного текста Бальмонта, сходство нарративной основы, системы персонажей и заглавного образа – волшебного серебряного блюдечка и наливного яблочка, способных отражать весь мир. Однако финал бальмонтского текста иной: народная сказка завершается свадьбой главной героини и царя («Царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит...»); в тексте Бальмонта этот традиционный элемент опущен – концовка акцентирует особую силу волшебного яблочка с блюдечком и мотив прощения: героиня дарит царю своё сокровище и просит понять и не наказывать сестёр, желавших её смерти: «"Всё тебе, всё тебе, солнечный наш Царь, / Только сестёр моих прости ты, Государь. / Яблочко с блюдечком – тебя пленив – для них / Сколь же заманчиво!" – На том и кончим стих» (с. 159).

Такой «извив» сказочного сюжета в финале поэтического текста определяется художественной логикой бальмонтской сказки, спецификой символической поэтики, основанной на ремифологизации фольклорных составляющих. «Введение интертекстуального отношения – это прежде всего попытка метатекстового переосмысления претекста с целью извлечения "своего" текста», – справедливо утверждает Н.А. Фатеева [3].

Заглавный образ сказки в книге Бальмонта лишь на первый взгляд идентичен фольклорному. Его репрезентация в обоих текстах двухчастна: образ блюдечка и яблочка отражается в речи героини («приговорных словах») и в тексте повествователя – в описании отражающейся в блюдечке картины, когда «приговорные слова» исполняются. Характер же ключевого образа в фольклорном и литературном вариантах сказки не вполне одинаков.

В народном тексте слова героини представляют собой устойчивое выражение самых общих черт прекрасного мира: «Катись, катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!» Вторая часть описания, относящаяся к плану повествователя, содержит ещё и народное представление течения времени через движение солнца вокруг земли («солнышко за солнышком катится»): «Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звёзды в хоровод собираются – так всё красиво, на диво – что ни в сказке сказать, ни пером написать» (с. 260).

Описание в конце народной сказки акцентирует чудесный характер диковинки, способной отражать всё, что хочет видеть её владелец: «"Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки ль твои храбрые, корабли ли на море, чудные ль звёзды на небе?" Покатила наливным яблочком по серебряному блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки собираются со знамёнами, со пищальями, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами, десятники перед десятнями; и пальба, и стрельба, дым облако свил, всё из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, всё из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке всё небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звёзды в хоровод собираются» (с. 261–262).

Троекратное упоминание о волшебном серебряном блюдечке и наливном яблочке очень лаконично и тонко завершается выражением чувств царя и главной героини сказки: «Царь удивлён чудесами, а красавица льётся слезами <...>: “Царь-государь! – говорит она. – Возьми моё серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестёр моих, за меня не губи ты их”» (с. 262).

Поэтический текст, сохраняя детали фольклорного описания, отличается включением образа зари и представлением самого яблочка в соотношении с образом солнца. В речи героини: «Наливное яблочко, ты катись, катись, / Всё катись ты *по-солонь*, вверх катись и вниз. / Ты *гори*, показывай, как *горит заря*, / Города показывай, лес, поля, моря. / Ты катись, показывай гор высоту, / Ты катись, показывай Небес красоту» (с. 156). В тексте повествователя, кроме того, активнее, чем в фольклорном тексте, разрабатываются образы звёзд: «Катится яблочко по блюдечку кругом, / Катится яблочко, и ночь идёт за днём, / Видны на блюдечке поля и города, / *Зори золотистые, серебряна звезда*, / Вон корабли, закачались на морях, / Царские полки на бранных на полях, / *Солнышко за солнышком катится*, / Тёмный лес, как тёмный зверь, мохнатится, / *Звёзды хороводами, звездится в Небе гладь*, / Диво-то, красиво-то, пером не написать» (с. 156).

Такое представление солнца и зари в бальмонтском тексте обращает к символике этих образов, отмеченной А.Н. Афанасьевым: «*Заря*, по свидетельству заговоров, восседает на золотом стуле, держа в руках *серебряное блюдо (солнце)*, древние греки давали ей название златотронной» [4]. Бальмонтский текст даёт основания усматривать отражение образов зари и солнца не только в описательной, изобразительной части текста, но и непосредственно в заглавных образах серебряного блюдечка и наливного яблочка, обнаруживая их иконичность. Бальмонт усложняет мифопоэтический характер образов зари и солнца, актуализируя семантику, присущую им в народных заговорах. Кроме того, они коррелируют с ключевыми символическими образами книги «Зарево Зорь» – прежде всего, с заглавными образами, отражающими у Бальмонта не только особое состояние мира («Заря» как момент визионерского ожидания [5]), но и путь в особом мистическом и светоносном пространстве («Зори – в зори вводят нас» – От Зорь к Зорям, с. 9). Кроме того, отражение мира в серебряном блюдечке соотносится с символическим выражением готовности к движению навстречу преображающему свету: «Но не печальные – будем *зеркальные* в Зарево зорном мерцающих снов» (В Зарево Зорь, с. 22). Это особенно явно отражается в финальном описании, где яблочко, катясь по блюдечку, являет путь солнца и движение мира в едином мифопоэтическом пространстве: «“Что ты хочешь видеть?” – “Всё хочу, во всём”. / *Блюдце – как лунное, и яблочко на нём. / Яблочко – солнечно, и красно как заря*, / Вот они, вот они, леса, поля, моря, / Яблочко катится по блюдечку, вперёд, / *День начинается, и алый цвет цветёт*. / Воинства с пищалями, строй боевой, / Веют знамёнами, гудят стрельбой пальбой. / Дым словно облаком тучу с тучей свил, / Молнию выбросил, и всё от глаз сокрыл. / Яблочко катится, и Море там вдали, / Словно как лебеди столпились корабли, / Флаги и выстрелы, и словно сумрак крыл, / Дым взвился птицею, и всё от глаз сокрыл. / Яблочко катится, и *звёздный хоровод*, / *Солнышко красное за солнышком плывёт*, / *Солнышко с Месяцем, и красных две Зари...*» (с. 159).

По свидетельству А.Н. Афанасьева, в сербском фольклоре «царь-Солнце живёт в солнечном царстве, восседает на златотканом, пурпуровом престоле, а подле него стоят две девы – Зоря Утренняя и Зоря Вечерняя <...> В наших сказках царь-Солнце владеет двенадцатью царствами <...>, сам он живёт в солнце, а сыновья его в звёздах» [6]. Однако фольклорные образы не просто отражаются в символическом контексте, а трансформируются в нём, включаясь в общий процесс ремифологизации и развивая новые смысловые возможности. Некоторые из них, в соответствии с общим характером книги, обнаруживают некую неустойчивость, символическую неоднозначность. Так, если в народной сказке приложение «солнышко» отражает лишь традиционное именование царя («царь-солнышко», «царь-надёжа» – с. 261), то в бальмонтском тексте фольклорный эпитет усложняется смыслом, связанным с персонифицированным употреблением в функции

уточняющего члена, что подчёркивается написанием с заглавной буквы: «Царь был там, *Солнышко*, / И все к Царю пришли <...> Вышел *Царь-Солнышко*, в дворец её зовёт...»; «Всё тебе, всё тебе, *солнечный* наш Царь...» (с. 159).

Символический, характерный для бальмонтовской лирики смысл обнаруживает и образ колодца с живой водой, на который указывает волшебная дудочка. В народной сказке это колодец царский, то есть находящийся во владениях царя, что определяет развитие сюжета и обуславливает встречу с царём отца погубленной девушки. В поэтическом контексте песня дудочки представляет волшебный колодец безотносительно к царю: «Но колодец угловой / Со водою есть живой, / Есть колодец дивный, он / На скрещеньи всех сторон...» (с. 158). Появление царя, таким образом, обусловлено не логикой развития сюжета, а характером символической образности: колодец с живой водой и Царь-Солнышко (Солнце-Царь) объединены в макротексте бальмонтовской лирики и в контексте книги семантикой могущества, представляют средоточие жизненно важной силы и свыше данной власти над миром. Образ этого мира в его ключевых мифопоэтических проявлениях отражает в себе серебряное блюдечко с помощью наливного яблочка.

Сам по себе мотив чудесного воскрешения убитой сёстрами героини как проявление победы жизни над смертью развёртывается в предшествующей части книги в поэтической интерпретации образа Озириса. Эта аналогия тем более очевидна и значима, поскольку воскрешающей жизненной силой, отличающей путь Солнца, являющей вселенскую энергию, выступает в книге сила любви. Даже ритмомелодический характер строк, отражающих этот мотив, сходен: «И цветок, в саду раскрытый, / Вторит звёздочкой цветной: / Вот я вышел, тюрьмы срыты, / Бог любви воскрес – весной» (Кровь отдавший, с. 103). В сказке убитая сёстрами героиня говорит из-под земли: «Вы живой воды найдите, / Здесь меня вы разбудите, / Хоть убита, я лишь сплю, / А сестриц не погубите, / Я сестриц родных люблю» (с. 159). Таким образом, победа жизни в бальмонтовской сказке определяется проявлением безусловной любви.

Вот почему традиционный конец народной сказки оказывается в поэтическом тексте лишним. Редуцируя свадебный элемент фольклорного финала, сказка в стихах выступает закономерным и ёмким финалом символической книги «Зарево Зорь». В мифопоэтическом строе книги бальмонтровский вариант народной «Сказки о серебряном блюдечке и наливном яблочке» поддерживает концептуальную идею обусловленности и космического пути человечества, и внутреннего пути человека идеалом любви. Сила этой любви умножается отражением её в душе каждого человека, в каждом живом существе, во всяком дыхании, устремлённом к свету – и к другой любящей душе. Именно этот смысл заключён в символическом названии книги «Зарево Зорь» и отражается в каждой её составляющей.

#### *Литература*

1. Бальмонт К. Зарево Зорь. М.: Гриф, 1914. Текст цитируется по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М.: Наука, 1984–1985. URL:<http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/af0/Af3/Af3-260-htm>. С. 260. Цитаты приводятся по данному тексту с указанием страниц в круглых скобках.
3. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. С. 39.
4. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. С. 78.
5. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003. С. 233.
6. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / Афанасьев А.Н. Славянская мифология. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. С.60.